

ГЛАВА ТРЕТЬЯ
ДОМ НЕВИДИМОЙ СМЕРТИ, ИЛИ ПОСЛЕДНИЙ ГЕРОЙ

Прежде всего я попросил его показать руки. Я ожидал увидеть на ладонях моего собеседника шрамы от лучевых ожогов или иные. Следы той невероятно опасной работы, которую он проделал. Ведь у Марии Склодовской-Кюри, работавшей с радиоактивными элементами, руки были именно в таких отметилах. Но пальцы моего собеседника ничем не отличались от моих — руки как руки. Булыгин всё понял и усмехнулся:

— Я же профессионал...

Да, в отличие от тех, кто впервые познавал смертоносную силу урановой руды, капитан 1-го ранга Владимир Константинович Булыгин был настоящим профи, то есть дипломированным радиохимиком. Более того, много лет возглавлял цикл радиационной безопасности в Центре подготовки экипажей атомных подводных лодок. Но даже его охватила оторопь, когда он узнал о ЧП в губе Андреева — глухоманной бухточке, где размещалось самое большое хранилище отработанных ядерных материалов Северного флота...

Архитектура двадцатого века не знала подобных сооружений — хранилище отработанного ядерного топлива. Этот небывалый тип построек — Дома Невидимой Смерти — пришлось создавать в конце 1950-х годов, когда стали накапливаться отработанные в реакторах атомных подводных лодок и ледоколов урановые стержни — ТВЭЛы — тепловыделяющие элементы. Никто не знал, как утилизировать этот опаснейший «шлак» ядерных «кочегарок», поэтому до лучших времён, которые так ещё и не наступили, решили хранить отработанные, но пышущие смертью стержни в глухоманной бухточке Кольского полуострова под названием — губа Андреева. Принцип хранения вольно или невольно подсказала сказка о Кощее Бессмертном, смерть которого таилась на кончике иглы, и была упрятана в яйцо, яйцо в утку, утка — в зайца, и так далее. Трёхметровые «иглы» урановых стержней были упрятаны в чехлы из нержавеющей стали — по три-четыре штуки в каждой оболочке. Чехлы — опускались на цепях в 70-метровый бассейн, наполненный водой и заключённый в бетонные стены, пол которого был сложен из бетонных плит со свинцовыми прокладками.

Это серо-бетонная постройка похожа на гибрид зернового элеватора, железнодорожного пакгауза и заколдованного средневекового замка. С последним её роднят глухие стены без окон, железные ворота да мрачные легенды. Возможно, в чьём-нибудь фольклоре и существует миф про безлюдный замок, в чьих затопленных подвалах таится дух смерти, упрятанный в подвешенные на цепях сосуды. Эдакое узилище запечатанных джиннов. Но здесь, в Андреевой губе, это сооружение называлось весьма прозаично — здание № 5 берегового хранилища отработанного ядерного топлива. Однако проза жизни не меняла зловещей сути: в двух бассейнах, заполненных водой, — в «подвале» — висели на цепях цилиндрические трёхметровые «чехлы» из нержавеющей стали; в каждом чехле — по семи пеналов, в каждом пенале — пышущая лучами смерти тепловыделяющая сборка с урановыми стержнями в кожухе. В верхнем этаже «замка» — технологическом зале — давно застыл на приколе тельферный кран, с помощью которого когда-то опускали стальные чехлы в воду бассейна. Обе его ванны были до предела «завешаны» отработанными сборками. Если бы стенки

хранилища были прозрачными, глазам бы предстало нечто подобное «гребёнке» органных труб. То был орган, на котором Смерть положила себе сыграть реквием по человечеству...

Шла Холодная война. Атомные ракетноносцы несли свою океанскую службу с предельным напряжением. А за все преимущества атомного реактора приходилось расплачиваться именно здесь — в губе Андреева. Отдалённые последствия лучевых болезней, радиоактивного заражения природы казались в разгар ядерного противостояния меньшим злом, чем серия атомных ударов по плану «Дропшот». А что делать с отработанным ураном — разберёмся как-нибудь потом, когда время будет... По всей вероятности, точно так же рассуждала и супротивная сторона, поскольку проблема утилизации атомных подводных лодок и их реакторов не решена и в ВМС США.

Итак, год от года хранилище в губе Андреева наполнилось, потом его и вовсе закрыли. Лишний раз туда старались не заглядывать. Шли годы. Менялись вахты в необитаемой бухте. Зарастала бетонка, ведущая к зловещему зданию № 5. Прошло двадцать лет со дня ввода в строй хранилища в 1962 году. Последнее время матросы, охранявшие объект, толковали меж собой, что в здании происходит нечто странное: что-то звенит, с грохотом падает... Однажды на стене нижнего этажа, где находилась правая ванна бассейна, появилась огромная сосулька. Кто мог подумать, что это пробился сквозь бетон «коготь» ядерного монстра, заточённого в здании № 5? Матрос, бесстрашно справивший малую нужду на сосульку, отскочил от неё как ошпаренный: счётчик Гейгера, висевший на шее, грозно защёлкал. Матрос немедленно доложил об утечке радиоактивности начальству.

Из Североморска прибыла комиссия из флотских специалистов. Они-то и установили, что потёк сварной стык одной из ванн биозащитного бассейна. Незадолго до беды строители рванули аммоналом неподалёку скальный грунт. Сотрясения почвы оказалось достаточным, чтобы лопнул шов. Утечка охлаждающей воды, в которую были погружены чехлы с отработанными сборками, воды, ставшей радиоактивной с гамма-фоном до полутора рентгена в час, поначалу казалась небольшой — до 30 литров в сутки. Но уже через месяц-другой в ручей, бежавший окрест, стало выливаться из повреждённой оболочки до 100 литров в день. Вода в нём «зафонила»: 3 x 10 в минус седьмой степени кюри на литр. Не исключался и более мощный — залповый — выход охлаждающей воды из бассейна. Тогда в здание № 5 было бы просто не войти. Уровень излучения поднялся бы в сотни раз.

Так в феврале 1982 года Северный флот был поставлен перед угрозой серьёзной экологической катастрофы, если не сказать большего. К сентябрю радиоактивной воды из бассейна убегало уже около 30 тонн в сутки. Возникла опасность оголения верхних частей хранящихсяборок. Если бы речь шла только о радиоактивном заражении местности, это было бы полбеды. Но внимательный осмотр здания № 5 показал, что на дне бассейна образовался завал из сорвавшихся с цепей чехлов. Цепи, на которых они висели, ржавели, обрывались под солидной тяжестью, и на дне образовалась целая баррикада.

— А в ней могла образоваться критическая масса?

— Могла... — раздумчиво отвечает мой собеседник. — Ещё как могла со всеми вытекающими последствиями в виде цепной реакции и неминуемого тогда ядерного взрыва. И где — в заливе, на другом берегу которого стояла целая флотилия атомных подводных лодок...

Тогда ещё мир не знал слова «Чернобыль», как не знал он и названия губы Андреева. Но Чернобыльская авария — ничто по сравнению с тем, что могло разыграться на берегу глухого фиорда. Ядерный взрыв вблизи границы с Норвегией и Финляндией мог нанести непоправимый ущерб этим странам. О жителях Кольского полуострова и говорить не приходится.

Не было и нет на планете Земля более насыщенного ядерными материалами места, чем Кольский полуостров: тут и флотилии атомных подводных лодок, и атомные ледоколы, и ядерные арсеналы, хранилища и могильники радиоактивных отходов... Историки говорят, что в древние времена здесь процветала цивилизация гипербореев. Она погибла, считают они, в результате какого-то чудовищного катаклизма, возможно — сверхмощного ядерного взрыва. История повторяется. Или же собиралась повториться в конце двадцатого века нашей цивилизации...

Она бы и повторилась, если бы в России не было таких офицеров, как капитан 1-го ранга Владимир Булыгин... Именно ему предложили возглавить аварийно-восстановительные работы. К тому времени Владимир Константинович был одним из самых опытных радиохимиков в советском флоте. За спиной выпускника Бакинского военно-морского училища были уже и дезактивационные работы на первом советском атомном подводном ракетоносце К-19 после серьёзной аварии с ядерным реактором, и десятки перезарядок активных зон на подводных атомоходах, и создание уникальных установок для очистки радиоактивной воды...

— Мне сказали: эта работа займёт 15 лет. Я ответил: или мы сделаем это за год, или ищите себе другого руководителя.

Для начала решили заделать трещину. Но как её обнаружить? Предложили спустить в бассейн водолаза, который бы и нашёл место лопнувшего стыка и заделал бы его. Я сказал: «Если так, то дайте мне ножницы для стрижки овец и я сам обрежу водолазу шланги — чтоб не мучился потом парень от схваченных доз». Водолаза отменили.

Работы в Андреевой губе шли в два этапа: в 1983–1984 годах и в 1989 году. Всего надо было выгрузить более 1000 чехлов (7000 урановых сборок). И не просто выгрузить, а перегрузить, упрятать лучевую смерть в более надёжное хранилище, чем бассейн с водой. Такое место нашли неподалёку от здания № 5 — в полузаглублённой ёмкости для сбора жидких радиоактивных отходов. В своё время её не успели пустить в дело, теперь она пригодилась как нельзя кстати. Самое главное — чехлы в ней разнесены на достаточное расстояние, так что цепную реакцию вызвать довольно сложно.

Булыгин вовсе не походил на супермена, которому всё нипочём. Широкоплечий и улыбчивый, с манерами, скорее, преподавателя словесности, нежели наставника из учебного центра атомщиков, ликвидатора ядерных завалов. Не могу представить себе этого седоватого, в очках, человека, хватающего голыми руками урановую сборку.

Это была самая настоящая Зона, ставшая явью из романа братьев-фантастов Стругацких. Как это ни грустно, но мы и в самом деле родились, чтоб сказку сделать былью.

Булыгина можно было бы назвать сталкером. Но роль его в Зоне была гораздо сложнее, чем назначение гида-проводника. Он не приспособивался к Зоне, а переделывал её, уничтожал в ней те злые силы, которые зародились и вызрели в бетонном подполье.

— Работали так, — рассказывает Булыгин, — сменная бригада поднималась в технологический зал и укрывалась за штабелем бетонных плит и свинцовым щитком с оконцем, как в рентгеновском кабинете. Оттуда поднимали тельферным краном чехол из бассейна. Потом выбежал такелажник и быстро — на всё про всё 60 секунд — пытался перецепить поднятый чехол с урановыми сборками в захват перегрузочного устройства. Если он не успевал этого сделать, значит, немедленно убегал в укрытие — за свинцовый козырёк, и его тут же подменял другой боец. Он тоже должен был управиться за минуту, чтобы не схватить «дозу».

Поднятый чехол отправлялся в бункер, где его опускали в одну из ячеек бетонного монолита, установленного в кузове мощного карьерного самосвала — «БелАЗа». Машина отвозила опасный груз к полузаглублённой ёмкости, предназначенной некогда для жидких радиоактивных отходов. И другой кран — огромный порталый — перегружал чехол за чехлом в ячейки бетонных сот. И так раз за разом, день за днём, неделя за неделей, месяц за месяцем... Всего было выгружено более 1000 чехлов, в которых содержалось 7000 отработанных, но не потерявших своей убойной лучевой силы урановыхборок.

— До этого подобную же работу мы проводили на Дальнем Востоке, — рассказывает Булыгин. — Мы там тащили чехлы из-под воды. Полностью очистили хранилище и отправили на переработку два эшелона. За эту работу меня в первый раз представили к званию Героя Советского Союза. Однако получил я тогда три строгих выговора, чтобы не высовывался. И на этом всё заглохло. Ну а здесь, на Севере, всё было несколько иначе... Поменялось руководство. Пришёл контр-адмирал Лебедько, наш главный куратор и вдохновитель. Большую оперативную помощь в нашей работе оказывал тогдашний начальник Техупра Северного флота контр-адмирал Николай Мормуль. Моей правой рукой был старший лейтенант Станислав Калинин. Как на самого себя мог положиться на капитана 3-го ранга Валерия Шумакова. Он единственный, кто вёл фотосъёмку наших работ.

Самое сложное началось, когда дело дошло до разбора «баррикады» на дне бассейна. Упавшие чехлы подцепляли самодельными приспособлениями — «удочками». То была дьявольская «рыбалка». Свыше 120 чехлов оказались негерметичными и даже частично разрушенными. Их надо было осушать и переупаковывать выпавшие из них смертоносные стержни. По идее, это должны были делать роботы со специальными манипуляторами. Но где их взять? Всё делали люди — Булыгин с сотоварищами. И они это сделали: порой — голыми руками. Вот почему я и попросил своего собеседника показать свои руки. Мы пьём кофе в гостиничном буфете...

— Владимир Константинович, если не секрет, сколько доз вы схватили тогда?

Булыгин отделяется шуткой:

— Мои дозы, как и мои года — моё богатство!.. Знаете, когда работы в декабре 1989 года закончились, даже жалко было расставаться. Все сроднились друг с другом.

— Женщины участвовали в вашей работе?

— Нет, не участвовали. Не женское это дело — радиация... На объекте работали 20 военных специалистов и 28 гражданских. Двоих гражданских спецов я представил к званию Героя Социалистического Труда с формулировкой: «За личное мужество при ликвидации ядерноопасного завала отработанного топлива». Это были научные сотрудники НИТИ Владимир Ильин и Николай Петров.

Представление к наградам подписал начальник Управления боевой подготовки Северного флота контр-адмирал Владимир Лебедько, который лично курировал ход опаснейшей работы.

— И что же?

— Кроме орденов, я просил командование выделить особо отличившимся ликвидаторам цветные телевизоры и несколько «Волг», — вспоминает Владимир Георгиевич Лебедько. — Кто-то из московских флотоводцев поставил на моей шифровке резолюцию: «Тов. Лебедько. Надо быть скромнее». А командующий Северным флотом меня ещё и отругал за то, что я послал подобное «прошение» без его ведома. Как же без вашего ведома, — возмущался я, — если вы сами его подписали?!

— А я не читал.

Короче, так и остались мои бойцы без наград. Но тут новая аховая ситуация: в Ладожском озере нашли немецкий эсминец с радиоактивными отходами от бывшего спецполигона. «Зелёные» подняли шум: ходили по Невскому с транспарантами — «Ленинградцы пьют отравленную воду Ладоги». Разгорался большой скандал. Министр обороны СССР маршал Язов звонит командиру ленинградской ВМБ: «Срочно проведите очистные работы, иначе мы все сгорим!» Я тогда возглавлял учебный центр в Сосновом Бору. Вице-адмирал Валентин Селиванов мне перезванивает. «Где Булыгин со своей группой?» Я ему: «Не пойдут больше булыгинские ребята, обещали наградить за Андрееву губу и прокатили». «Срочно готовь новые представления!» И надо отдать должное адмиралу Селиванову: через сутки был готов Указ о присвоении капитану 1-го ранга Булыгину звания Героя Советского Союза. Эсминец благополучно вычистили. Радиоактивные материалы отправили на химический комбинат «Маяк».

То был последний Герой, который успел получить Золотую Звезду при жизни. Вскоре Советский Союз перестал существовать. Знаменательно, что первыми Героями были полярные лётчики. А вот последним стал — радиохимик-ликвидатор, положивший здоровье на расчистку ядерных завалов Советской державы.

Не зря говорят, во многом знании — много печали, много будешь знать, скоро состаришься. Оно мне надо — знать то, без чего я спокойно проживу. Мало ли, что, где, когда могло случиться? Не случилось — и слава богу!

И всё-таки знать надо — потому что, не будь таких людей, как Булыгин и ему подобные, мы бы не вылезали из чудовищных бед. Он и сейчас ещё в свои шестьдесят с лишним лет востребован, как молодой лейтенант то и дело мотается из Питера на Дальний Восток или на Крайний Север. Ибо всюду столь остро необходим его уникальный опыт укротителя радиации.

Звезда последнего Героя сияет на его пиджаке во все пять лучей своей нестрашной — золотой радиации.